

Лев ГРИГОРЯН

ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ

Рассказ

И было лето. И было небо. И к речке спускался зеленый луг, сияя золотом одуванчиков.

Славке запомнилось это лето. Девяносто первый год, село Калиновка, детство.

Славка приехал к деду с бабушкой на каникулы.

Поезд шел непривычно долго. Сновали люди, шумела ругань. Состав скрежетал, словно ржавый доспех исполинского рыцаря. Стоянки длились непредсказуемо. В соседнем купе были малые дети, и Славке было их жалко. Тетка Валя обмахивалась газетой и пила Славку невкусным чаем.

Под Орлом простояли четыре часа — забастовка железнодорожников. У Славки была с собой толстая книга — Каверин, «Два капитана». Но томила жара, и Славка заснул.

Когда проснулся, был вечер, и поезд вновь качало с ритмичным стуком. За окнами в тающих сумерках проплывали верстовые столбы.

Ночью застряли в Харькове. По вагону прошел патруль автоматчиков. Соседи тревожно копошились на полках, и Славке сделалось страшно.

— Бомбу, что ль, ищут? — проворчали за стенкой.

— Алкоголь, — откликнулся кто-то с пониманием дела.

— А...

— Спи, спи, — тетка Валя пригладила Славке волосы.

Раздался свисток. Поезд двинулся дальше.

Наутро все было спокойно. Потянулись леса, хутора. В Мирлоубовке Славка сошел на перрон за мороженым и еле успел запрыгнуть обратно — так стремительно тронулся поезд. Лоточницы прямо к окнам протягивали вареную кукурузу, нахваливали домашнюю картошку с укропом, огурцы, поднимали в ладонях красных усатых раков. Привычный веселый гвалт вскоре стих, утонул в перестуке колес.

Наконец добрались до Калиновки. Дед Арсений встретил на станции, широко обнял тетку — свою любимицу Валентину, потрепал по загривку Славку. А дома ждала добродушная бабушка Лида, и стыли на блюде вареники, и толстый пушистый Василий — необъятных размеров котище — ластился к Славке, громогласно урча и тыкаясь мордой в ладони.

Так началось это лето.

Лев Арменович Григорян родился в Москве в 1980 году. Работал переводчиком с итальянского языка. В настоящее время — сотрудник Института научной информации (ВИНИТИ РАН). Кандидат наук. Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Дарьял», «Веси», «Литературная Армения», «Северо-Муйские огни», «Нижний Новгород», «Огни Кузбасса», «Доля», «Изыщная словесность», «Балтика—Калининград», «Юный техник» и др. Финалист конкурса «Новые сказки» (2017) издательства «Союз писателей». Работы автора входили в шорт-лист премии «Молоко волчицы» (2017) и в лонг-лист конкурса «Короткое детское произведение» издательства «Настя и Никита» (2016).

Вскоре тетка уехала. У Славки пошла беззаботная жизнь. Он бегал купаться с ребятами — ватагой соседских мальчишек. Целыми днями пропадал на лугу, возвращаясь лишь к ужину. По утрам с неохотой, но все же старательно помогал бабушке по хозяйству: собрать на стол, подмести, дотащить воды от колодца, сгонять за продуктами в сельскую лавку.

А вечерами Славка любил сидеть на крыльце рядом с дедом Арсением. Дед неспешно смолит сигаретку и рассказывал Славке истории времен своей военной молодости. Перед глазами у Славки вставали из небытия картины грозной поры: колонны танков, дымящиеся остовы пушек, вереницы отступающих по осенней распутице войск, хмурые лица солдат... И снова бои, оборона Можайска, зимнее контрнаступление под Тулой...

Еще дед показывал Славке старый альбом с фотокарточками. Чудом уцелевшие черно-белые снимки военных лет — всего лишь три фотографии, где дед молодой, безусый, запечатлен с полковыми товарищами. И послевоенные фото: дед с бабушкой в день своей свадьбы — их счастливые, открытые лица... бабушка в белом платье, дед в военном мундире, кругом гости, родные, друзья. А вот семейные, поздние фотографии. О каждой из них деду было что рассказать. Как-никак, за плечами целая жизнь.

Рассказы деда перекликались с любимыми книжками Славки. Славка вообще читал много и вперемешку. Запоем проглотил «Мухометеров» со всеми продолжениями, переключился на «Динку» Осеевой. За «Динкой» шел «Пятнадцатилетний капитан», потом «Кортик» с «Бронзовой птицей», космические повести про Алису Селезеву, жутковатая история похищения Марека Пегуса, знаменитый «Вий» Гоголя, «Путешествие Голубой стрелы»... Но больше всего Славке нравилось читать про войну.

Он представлял, как вместе с Володи́ей Дубининым держит оборону в катакомбах Керчи. Как упрямо, день за днем, продвигается с летчиком Мересьевым к нашим войскам через занятую немцами местность. Как бок о бок с бесстрашными молодоговардейцами сопротивляется оккупантам и штурмует с Гулей Королевой четвертую высоту...

Часто грезилось Славке, что события его любимых книг происходили здесь, в Калиновке — на зеленом лугу, у реки или в старом сосновом бору, что стоял по течению ниже. Воображение рисовало Славке укрытые хвоей землянки, крепкие блиндажи, сырые расщелины партизанских окопов. А однажды дед Арсений показал ему настоящую военную траншею, тянувшуюся вдоль кромки леса. Траншея сплошь поросла бурьяном, насыпь давно размыло дождями, но у Славки горели глаза: дед объяснил, что здесь стоял пулемет, пять дней кряду держалась непокорная огневая точка, и, случилось, еще лет десять назад калиновская ребятня находила в траве стреляные гильзы.

Славка тоже искал. Но гильз не нашел. Попалась ему лишь почерневшая трехкопеечная монетка, на которой с трудом читались цифры — «1941». Славка отчистил монету перекисью и с тех пор хранил среди самых дорогих своих «сокровищ».

На другой стороне реки Плещеры, далеко-далеко, раскинулся город Вельск. Славка любил смотреть с высокого берега на красивые дома с покатыми крышами, на фабричные трубы, на устремленную ввысь колонну-ракету — памятник первым космонавтам. А особенно нравилось Славке гордое многоэтажное здание, на шпиле которого реял красный флаг.

Здание напоминало дворец, но Славка знал: таких дворцов не бывает. Дворцы возводились в прежние века, когда наука была слаба и дом в пять этажей считался вершиной творения. Теперь же вместо дворцов — небоскребы. Славка был однажды в Москве и небоскребы повидал разные — здоровенные скучные параллелепипеды, и дома поинтереснее, похожие на раскрытые книжки, а прекраснее всех были сталинские высотки. Славка знал, что их семь, но сам видел лишь две — новый корпус Московского университета и гостиницу «Украина».

Вот таким был и дом с красным флагом в городе Вельске, на другом берегу Плеще-ры. Славка подолгу глядел на далекое здание и мечтал. Для него в этом мощном строении воплотилась словно бы вся страна. Ее прошлое, настоящее и будущее. Красный флаг революции, опаленный в сражениях великой войны, связывал прошлое с будущим в неразрывное целое. Величественные контуры здания были разом и данью памяти дворцам минувших веков, и прообразом века грядущего, двадцать первого, а быть может, и двадцать второго — века космоса и дальних планет, Леонида Горбовского и Алисы Селезневой, века прогресса и всемирного коммунизма.

— Дедушка, а что там, в том доме со шпилем и флагом? — спросил как-то Славка у деда Арсения, когда тот взял его с собой на рыбалку.

Сердце у Славки забилося чаще. Вдруг дед скажет: там штаб Красной армии? Или даже — ведь может быть и такое! — это здание нового космодрома? Недаром поблизости памятник покорителям космоса!

— Горсовет, — буднично ответил дед.

Славка расстроился. Но потом подумал: а что? Горсовет — значит, там советская власть. Значит, все впереди: штабы, подвиги, космодромы. Ничего еще не потеряно.

Ведь за это боролись Чапаев, Буденный, Олег Кошевой — чтоб советская власть с красным флагом строила по всему миру такие дворцы, корабли, самолеты, чтобы весь трудовой народ шагал в будущее смело и гордо.

Так в то лето думалось Славке.

А в стране дела шли беспокойно. Что-то веяло в воздухе. Весь год девяносто первый был пронизан тревогой. Даже Славка, мальчишка книжный, замечал отголоски грома — в разговорах соседей-взрослых, в услышанных краем уха новостях, в удлинившихся очередях к магазинам... То и дело мелькали слова, поначалу малопонятные: суверенитет, президентский налог, вильнюсский телецентр, ново-огаревский процесс, баррикады в Цхинвали, референдум...

И мозаика исподволь складывалась: Славка чувствовал — наступили трудные времена. Вихри враждебные реют, и темные силы гнетут, и родина — великий Советский Союз — трещит по швам, словно мощный столетний дуб под напором сильнейшей бури.

Но Славка верил — все обойдется. Ведь сейчас не война. А уж если дойдет до войны — народ вспомнит прежнюю доблесть. Как в рассказах Бориса Полевого: с красным знаменем, с именем Сталина страна одолеет любые трудности. И конечно, Славка сбежит на фронт добровольцем, точно герой Буссенара, капитан Сорви-голова. Только где пройдет фронт и с кем будет эта война — оставалось по-прежнему непонятно.

А однажды (уже шел к концу август) Славка, стоя на берегу, увидел: по шпилю далекого здания карабкаются темные фигурки. Вот они взобрались на самый верх. А вот... Это что же такое?! Славка даже глазам не поверил. Красный флаг спустили, сорвали... и огненной искрой знамя страны летит вниз, исчезает из глаз. А на шпиле реет новое полотнище — сине-желтое.

Что случилось? Это как понимать?! Славка бросился к деду. Бегом через луг, скорее домой, будто скорость что-то решала...

Дед Арсений сидел на крыльце, штопал прореху на старой рубашке. Раньше всем «швейным делом» ведала бабушка Лида, но в последнее время ее зрение ослабело, и заботы эти легли на деда.

— Ты чего весь взъерошенный? — поднял голову дед.

Сбиваясь, Славка рассказал обо всем.

Дед отложил штопку. Покачал головой:

— Новости слушать надо.

У Славки сердце упало:

— Стряслось что-нибудь?

— Да уж, стряслось, — дед неопределенно хмыкнул. — В Москве был переворот. На три дня коммунисты себе силу вернули. А потом — все, шабаш. Кончился коммунизм, и Союзу конец. Украина на радостях независимость объявила. И другие республики тоже. Тут у нас теперь «незалежность», — дед гортанно выговорил непривычное слово.

— Не-за-ле... чего? — воззрился на деда Славка.

— Того. Отдельное государство. Был Союз, а теперь Украина. Все республики врозь. От Союза одна Россия осталась да еще Белоруссия, кажется. Доигрались там, наверху.

— Так мы теперь за границей очутились?! — дошло наконец до Славки.

— Считай, что так, — улыбнулся дед. — Жили, жили, а теперь иностранцы. Чудеса!

Но Славке не по нраву пришлось такие чудеса. Хотя он все детство грезил о разных странах, мечтал побывать за рубежом, поездить по свету... но чтоб вот так? Чтоб не он, Славка, за границу съездил, а сама заграница к нему подкралась да и окружила, не спрашивая, со всех сторон? Кусок родины чтобы чужбиной стал?

Не-ет. Это было нелепо, неправильно.

И Славка, засыпая в тот вечер, бормотал неразборчиво:

— Надо домой, в Вологду ехать, в Советский Союз...

— Поедешь уж скоро, — проворчала с улыбкой бабушка Лида. — Каникулы на излете, учебный год на носу.

...Наутро Славка встал рано — хотел услышать новости по репродуктору. Вдруг вчерашнее — выдумка, злая шутка? Или дед все напутал?

Но нет. В новостях подтвердили все Славкины опасения.

Тогда Славка бросился на луг, к реке. Может, за ночь случилось восстание, и новые молодогвардейцы сорвали сине-желтую тряпку, чтоб вернуть на законное место красный флаг?

Но и тут ждало разочарование. «Незалежный» стяг Украины никуда не делся. Да еще трепетал на ветру так же вольно, как недавно советское знамя. И цвета украинского стяга сочетались прекрасно с синевой неба и с ярким золотом солнца, безмятежно сиявшего в вышине. Но Славка не желал замечать этой красоты.

Он побрел к ребятам с соседних дворов, своим приятелям по играм. Играть ему совсем не хотелось, важно было расспросить друзей: знают ли они, что отныне живут за границей? Возмущает ли это их так же, как Славку? Готовы ли они что-то дельное предпринять?

У Славки созрел даже план. Всей ватагой переправиться в Вельск, проникнуть в высотное здание, сорвать сине-желтый символ позора, возвратить советское знамя...

Но ребята встретили Славку недоумением. До новостей им не было дела. Украина, Союз, какие-то флаги — кому это интересно? Кто-то даже порадовался за Украину: «Незалежность? Давно пора! Теперь заживем наконец!» А большинству было все безразлично.

— Вообще, переправиться в Вельск — идея хорошая, — заметил вдруг один паренек, Гришка Зотов.

— Вот и я говорю! — Славка сразу воспрянул духом. — Надо только добыть где-то красное полотно. И веревки, чтобы по шпилью...

— Ты че, дурак? — Гришка выразительно постучал себе по лбу. — Какое еще полотно? В Вельске у Тохи Вареного гараж есть, там кино голливудское крутят. Я слышал, у них даже сам «Терминатор» имеется!

Славка не знал, что за фильм — «Терминатор». Лишь через несколько лет посмотрел — и не пожалел. Кино действительно оказалось хорошее. Но в тот день, в девяносто первом, Славка понял одно: будущее закончилось.

Не наступит всемирного коммунизма, не спасет детей с Далекой Радуги Леонид Горбовский, не бросится за милофоном в машину времени девочка Алиса... Закончи-

лась Республика Советов, для которой Миша Поляков берег кортик, хранивший тайну подводных сокровищ. И теперь впереди только Терминаторы, незалэжные княжества, безразличная ребятня и — король жизни — Тоха Вареный со своим гаражом. Сотни тысяч таких Вареных на просторах исчезнувшей с карты страны. Наступает их время.

Понурый, Славка побрел домой. На душе было тошно. Ребята что-то кричали вслед, но он даже не обернулся: хотелось казаться гордым. (Спустя годы до Славки дошло: показная гордость глупа и фальшива. Но до этого было еще далеко.)

Дома его встретила бабушка Лида.

— Ты чего нос повесил? Молока тебе дать? Свежее, только-только Ирина Степановна принесла.

— Не надо мне молока! — взъелся Славка. — Что я, маленький, что ли?

— А не маленький, так чего огрызаешься? — отмахнулась бабушка. — Какой комар тебя укусил?

— Просто не пойму я людей, — серьезно ответил Славка. — У них страну отнимают, а им хоть бы хны. То ли дело в войну было: весь народ и в тылу, и на фронте в едином порыве — за победу, за товарища Сталина...

— Ах вот оно что... — протянула бабушка, и голос ее показался чужим, незнакомым. Славка с удивлением поднял взор.

Бабушка помолчала немного. Спросила:

— И много ты знаешь про товарища Сталина?

— Он страну к победе привел, — пояснил насупленно Славка. — Фашистов разбил в пух и прах. Десять сталинских ударов. У Бориса Полевого об этом есть, и у Юлиана Семенова. И промышленность Сталин поднял, и в революцию бился отважно, и наш Советский Союз при нем первой державой стал в мире. Поэтому Сталин для всего народа был как... не знаю... как Наполеон для французов, как Гитлер для немцев, только хороший. Все любили его, и каждый готов был за него жизнь отдать.

— Как Гитлер для немцев, — повторила бабушка. — А знаешь ты, что товарищ Сталин миллионы наших, советских людей безвинно сгноил в лагерях? Знаешь, сколько его палачи перестреляли народу?

— Так на войне же такое... — неуверенно начал Славка, но бабушка покачала головой, и Славка умолк.

— До войны, — сказала бабушка Лида. — И в войну. И после войны. Сколько жив был кремлевский упырь, столько и пил народную кровь.

Славка хотел возразить: как же так? Что за странные выдумки? Но что-то мелькнуло в памяти: обмолвки из книжек, обрывки чудных разговоров, прежде непонятные, скользившие мимо сознания...

— А знаешь ли ты, — докончила бабушка, — что двух твоих прадедов в тридцать восьмом году товарищ Сталин к стенке поставил? А прабабу в Воркуте уморил, в пересыльной тюрьме? Не знал? То-то же... Пойди спроси деда. Он тебе много расскажет про товарища Сталина, такого, о чем никакой Полевой не писал.

...И Славка, оторопелый, потерянный, слушал рассказы деда Арсения. И хотел бы не слышать. И хотел возражать, доказывать, спорить. И не смел.

Потому что знал: все, что сказано дедом, — правда.

И еще одну вещь понял Славка в тот день. Точно так, как вчера разом рухнуло будущее, так сегодня погубило и прошлое. Вся знакомая по книгам война, все геройские подвиги, вся история великой Советской страны — это все было ложью, фальшивкой, жестокой и подлой.

Маршал Буденный был лизоблюдом и прихвостнем при кровавом тиране. Несгибаемый Молотов подписывал пачками расстрельные списки. Писатель Катаев был

белогвардейцем. Писатель Гайдар — карателем. Ударник Стаханов — запойным пьяницей. А уж что говорить о других...

Были, были, конечно, герои — настоящие, подлинные. Но в свете хлынувших откровений потерялся, померк для Славки их подвиг.

И кончилось лето девяносто первого. И небо закрылось осенними тучами. И вернулся Славка на Вологодчину, в Советский Союз, но не знал теперь — рад ли этому.

И когда в декабре красный флаг над Кремлем тоже сняли навеки, а Советский Союз окончательно канул в Историю — Славка лишь хмуρο поежился и ничего не сказал. Он не знал, что сказать. Просто тошно было, и все.

...Весной, возвращаясь как-то из школы, Славка увидел в грязи россыпь книжек — целые стопки. Были тут методички из кабинета литературы, и собрание сочинений Ленина — множество однотипных томов в твердых зеленых корочках, и книги из школьной библиотеки: «Кортик», «Два капитана», «Разгром», «Аэлита», «Белеет парус одинокий», «Повесть о настоящем человеке», «Поднятая целина», «Как закалялась сталь»...

Славка постоял в раздумье. Поглядел, как весенняя грязь расползается не спеша по цветастым корешкам. Наконец тряхнул головой и прошел было мимо.

Но что-то екнуло в сердце, и Славка вернулся. Из всей кипы вытащил «Кортик», отер рукавом, сунул в школьную сумку и зашагал дальше. А в ушах сама собой зазвела песня из фильма: *«Но время золотое наступит все равно...»*

...Много лет прошло с той поры. Славка окончил школу, поступил в институт. Стал дипломированным переводчиком. Много ездил по разным странам. Много видел гербов и флагов. Пересмотрел целую тьму голливудских фильмов: одно время даже писал о них обзоры в модный тележурнал, и платили за это неплохо.

В студенческую пору появилось у Славки немало друзей. Веселые люди двадцать первого века — не герои, обычные парни и девушки. Часть из них потом переехала в Европу, в Америку. Славка остался в России, но чувствовал себя не на месте: страна под трехцветным флагом, с двуглавым орлом на гербе была для него чужой. Города заpestрешили вывесками коммерческих банков, на «мерседесах» проносились по улицам новые хозяева жизни, пустые прилавки наполнились до краев, а от входов в торговые центры, тоже выросшие, словно грибы, милиция неустанно гоняла нищих.

Народ повалил валом в церкви. И тогда же пришла эпоха компьютеров, а затем и мобильных. Девятнадцатый век шел об руку с двадцать первым, а двадцатый был предан анафеме. Один президент сменился другим, другой — третьим. Менялся мир. И Славка был частью этого мира. Учился, работал, встречался с девушками, смотрел с друзьями футбол.

Только родины у него больше не было. Той страны, где все были равны, где не было ни рабов, ни господ, где заводы и фабрики работали день и ночь, чтобы лучше жилось трудовому народу, а не чтоб богачи жировали, кичась награбленной роскошью.

Как-то раз Славка оказался по делам в Вельске. Не удержался, выкроил день, заглянул и в Калиновку. Отыскал старый дедушкин дом. Деда с бабушкой давно уже не было. В доме жили теперь дальние родственники — молодая семья с дочкой Лидочкой, светлокудрой малышкой лет пяти. Славке Лидочка приходилась троюродной племянницей.

Со времен деда с бабушкой дом изменился. Новая мебель, новая утварь, ничего знакомого не осталось. Старое, что не выбросили, то убрали в чулан, и заглядывать Славка туда не стал: к чему ворошить прошлое?

Только у Лидочки на прикроватном маленьком столике он с удивлением обнаружил ветхий альбом: в нем хранились дедовы фотографии. Вспомнил Славка, как сидел, бывало, на крыльце с дедом, листал пожелтевшие страницы, разглядывал фо-

токаролки и слушал рассказы деда, казавшиеся увлекательнее любых, самых волшебных приключений из книжек.

Не в силах противиться голосу памяти, Славка открыл альбом. И горечь пронзила его. Старинные семейные фотографии все были разрисованы цветными карандашами. Беззаботная Лидочка добавила людям на снимках забавные рожи, усы, хвосты, короны, чудесные платья, зонтики, банты... На лицах суровых военных карандаш прочертил улыбки до самых ушей: видно, черно-белое прошлое показалось ребенку чересчур мрачным. Тут и там наклеены были переводные картинки: Микки-Маусы, веселые барсучата, принцессы в розовых платьицах...

Славка закрыл альбом. Извинившись перед родней, вновь отправился в Вельск (теперь туда вел большой мост, перекинутый через речку Плещеру). В Вельске, в том самом бывшем здании горсовета, на котором по-прежнему красовался жовто-блакитный флаг, Славка отыскал супермаркет и купил для Лидочки целую грудку раскрасок, наклеек, игрушек «Собери сам» и прочих ребячьих радостей.

Отдал подарочки племяннице, не забыл и ее родителей, ну а дедов альбом увез с собой в Вологду.

И потом несколько вечеров кряду корпел, оттирая аккуратно Лидочкины каракули — попеременно то ластиком, то специальным раствором, то даже хлебным мякишем по старинным рецептам. Еще сутки ушли, чтобы вывести переводные картинки, не повредив фотографии.

И пока за этой работой уходили часы и минуты, а из-под цветной мишуры проступала старинная быль, Славка думал, напряженно и неотступно: может, так и страна моя ныне? Может, эта чужая Россия, нищая, богомольная, несправедливая, с вымирающими деревнями и зажравшимися мегаполисами, и самостийная Украина, где паны дерут глотки, собирая народ на майданах, и республики Средней Азии, ухнувшие в пучину ислама, и Закавказье, где гордые маленькие народы держат друг друга на мушке, выжидая момент, чтоб спустить курок, — может, вся эта зыбкая разногосица — просто маска?

Маска... Гримаса, искаженная и уродливая, но под ней, в глубине — лицо родины, настоящее, честное, доброе, исполненное подлинной красоты, неподвластное времени? Может, жив еще мой Советский Союз? Не растерзал до конца его Гитлер, не расстрелял товарищ Сталин, не пропил господин Ельцин?

Может, можно всем вместе собраться? Сбросить все наносное, чуждое, пошлое? И откроется то, что потеряно. И вернется все то, что забыто. И время снова пойдет вперед, в будущее, туда, куда манят мечты?

Время... Сколько его упущено... Сколько еще впереди? Кто знает?

Славка встал, расправил плечи. А в голове сама собой зазвенела песня из детства, песня красноармейцев:

Не будет он напрасным, наш подвиг благородный,
И время золотое наступит все равно.

— Верили, — произнес Славка вслух. — Верили, что придет золотое время, взойдет заря коммунизма, бились за это, жизнь клали. Такими вы были. А мы? Что же мы?..